

Часть I

В ЯЩИКЕ

— Эй, Лиз! Что в ящике?
— Голосок моих сомнений.

*Лиз Фэр. Дым*¹

Тюремный корабль назывался «Маринатор». С кулинарией его ровным счётом ничего не связывало.

Это была его шестая остановка, и, как уже происходило пять раз, всё началось с разгрузки снаряжения. Последняя семерка заключенных ждала своей очереди в трюме. Стоило кому-нибудь кашлянуть или стукнуть пяткой по пластметаллической стене, тут же раздавалось эхо. И всё-таки с трудом верилось, что перед вылетом с 8 Флоры² в отсек запихнули больше сорока человек. Для такого количества он явно был маловат.

Что-то загрохотало. Корабль содрогнулся.

— Этот стук,— сказал Гордий,— означает, что выгрузили синтез-ячейку. Я слышал, её можно закор-

---

¹ *Фэр, Лиз* (наст. имя Элизабет Кларк Фэр), — американская рок-певица. — *Здесь и далее примеч. пер.*

² *8 Флора* (8 Floga) — астероид главного астероидного пояса. Открыт 18 октября 1847 г. английским астрономом Джоном Хиндом в Лондоне, Великобритания. Назван в честь древнеримской богини цветов и весны Флоры.

тить и взорвать весь астероид в самом буквальнойшем из буквальных смыслов, то бишь превратить его в пыль, которая быстро рассеется в...

— Заткнись,— сказал Луон.

Но Гордий не мог заткнуться. Он видел, как других заключённых бесцеремонным образом выгружали, помещая каждую партию в отдельную тюрьму. Понимая, что теперь подошла и его очередь, он всё больше терял контроль над собой.

— Вы хоть знаете, что такое космос? Это крепостной ров, через который никак не переберешься. На миллионы миль вокруг простирается пустота. Мы никогда не вернёмся домой. Одиннадцать лет? Нам столько не продержаться. А если на нашу долю и выпадет столь счастливый жребий, мы к тому моменту уже сойдём с ума и не захотим отсюда улететь.

Луон повторил просьбу несколько выразительнее и яростнее, чем в первый раз.

— Вот! — сказал Гордий.

Корабль сбрасывал груз в пещеру: цилиндрический воздушный скруббер ¹, светощест, маленький пакет со спорами и — самое важное! — три бура, привязанных друг к другу. Инерция движущегося груза и третий закон Ньютона вынуждали пластметаллический корпус «Маринатора» вибрировать и стонать. Бум, бум, бабах. Когда очередной предмет влетал в пещеру, ударялся об стену или застревал где-нибудь в узком месте, снаружи, конечно, не раздавалось ни звука. Но семёрка узников находилась внутри корабля и прислушивалась к происходящему. Они всё это слышали в шестой раз и

---

¹ *Скруббер* — устройство для очистки газовых смесей.

знали, что должно было случиться потом; справиться с тревогой у них не получалось. Голоса стивидоров звучали где-то рядом, но стены корабля скрадывали смысл слов, сохраняя лишь рычащую ритмичную мелодику.

— Непростой это будет труд,— сказал Гордий.— Рыть, да не просто рыть, а создавать структуру... строить эту штуку изнутри... строить её почти что заново... Но сложнее всего будет жить вместе и не поубивать друг друга.

— Я тебя прямо сейчас прикончу,— сказал Давиде,— если ты не заткнёшься.

Стена, к которой все они были привязаны, отозвалась: гррррмммм! И ещё слышались едва уловимые звуки совсем иного рода.

Приговор гласил, что семерых следовало поместить в пещеру на астероиде под названием Лами 306 — всего-то двести метров в поперечнике был этот мирок, это маленькое королевство. Пещера представляла собой углубление в форме полумесяца в скальной поверхности, след от давнего (ну разумеется) столкновения, которое деформировало и искалечило тело Лами, заставило её поверхность надломиться и пойти складками, в результате чего образовалась вытянутая узкая полость, напоминающая карман,— в ней было полтора десятка метров длины и от силы десять в глубину. Ширина её не превышала одного метра. В эту дыру неопределенной формы «Маринатор» скинул всё необходимое снаряжение, и теперь у него оставалось только два задания. Выдвинулся рукав, подающий пену, и слой клейкого вещества лёг на край расщелины, похожей на большой рот. По мере того как корабль

трудился, края сближались. Герметик в вакууме затвердевал почти мгновенно.

Все семеро знали, что их судьба решена. Заговорил Луон:

— Слушайте меня,— рявкнул он.— У нас будет больше шансов выжить, если мы станем действовать *сообща*. Не драться, не паниковать — первым делом наладим свет, потом скруббер...

Он не успел договорить. Грузовой отсек содрогнулся, и семь человеческих существ внутри него замерли в ожидании. Семь сердец учащенно забились. Кто-то приготовился, кто-то для такого был слишком возбуждён, но всё случилось независимо от того, были они готовы или нет.

Открылся люк, и перекладина, к которой они были пристёгнуты, отошла от стены. Они улетали друг за другом: Гордий, троекратно превосходивший по весу всех прочих, человек почти сферической формы; Мо, плотно сжавший губы и зажмурившийся; рычащий Давиде; Луон, внешне спокойный; растерянный Марит; Э-дю-Ка, размахивающий кулачищами, будто сражаясь с воздухом; и последний в очереди, слабейший из всех, безногий Жак, с застывшим на лице выражением идиотской безмятежности. Он как будто не понимал, что с ним произошло!

Их потянуло вниз и наружу, протащило задами и лицами по холодным податливым стенкам выгрузного шлюза, а потом выкинуло в вихрящуюся мглу невесомости.

Там было абсолютно темно и очень, очень холодно. Жак предусмотрительно закрыл голову руками, когда его волокло через шлюз, но выбросил их вперёд, как

только почувствовал, что он уже в пещере. Болезненное, неприятное столкновение. Он отскочил от каменной стены, словно мяч, пытаясь погасить собственную скорость. Обнаженная кожа коснулась обнаженного астероида — мистический момент сродни тому, что запечатлен на куполе Сикстинской капеллы¹, ибо к здешнему куполу притронулись впервые с тех пор, как он воплотился из пыли и льда. Ухватиться было не за что, конечно, и, хотя пальцы Жака отчаянно цеплялись за камни, он не смог удержаться на месте. Ему, безногому, приходилось труднее, чем остальным. Воздух в пещере клубился и бурлил, Жака швыряло из стороны в сторону. Его накрыло чувство дезориентации, чудовишной дезориентации; в густой тьме этого места, лишённого света, его уши наполнились белым шумом и болью. Он полетел спиной вперёд, с громким хлопком врезался в какую-то неподатливую жесткую поверхность и понёсся в обратную сторону.

Вот что происходило: «Маринатор» закачал в пещеру достаточно воздуха, чтобы поднять давление до нормального уровня, и теперь запечатывал последнее отверстие в герметичном куполе. Жак был в грузовом отсеке во время шести предыдущих повторений этого сценария и знал, что сейчас испытывает корабль — прикованный к клейкой мембране тем самым рукавом, через который подавался герметик, содрогающийся от потока газов, что изливались сквозь уменьшающуюся дыру прямо в заполненную воздухом

---

¹ *Потолок Сикстинской капеллы* — известнейший цикл фресок Микеланджело, частью которого является «Сотворение Адама». На этой фреске изображен момент, когда Бог протягивает руку Адаму, передавая ему жизнь.

полость. Их семёрка, связанная, сидела в том самом грузовом отсеке, заполненном узниками, а «Маринатор» дёргался и подпрыгивал, пока наконец не успокаивался, отцеплялся, не ложился на новый курс и улетал прочь. Они сидели рядом с тридцатью пятью другими, когда это происходило; потом с двадцатью восемью, и с двадцатью одним, и с четырнадцатью, и теперь пришел их черёд. Грузовой трюм «Маринатора» опустел, и, когда утихнут вибрация и дрожь, когда всё будет надёжно запечатано, судно развернётся, чтобы направиться обратно к 8 Флоре.

Ни один космический корабль не пройдёт мимо этого места на протяжении одиннадцати лет.

Когда кто-нибудь наконец-то сюда вернётся, он увидит одно из двух. Либо они будут живы, а работа сделана; либо они будут мертвы, а работа не сделана. Не исключено, что семерым заключенным (или той их части, что выживет) удастся превратить внутреннее пространство астероида в вереницу помещений, пригодных для жизни, — или, быть может, они сделают из него одно большое помещение, а синтез-ячейку пристроят в центре, чтобы она светилась, как солнце; не исключено, что они соорудят подобие пчелиного улья или запутанный лабиринт туннелей.

Если они — кто-то из них — ещё будут живы, гонгси их заберёт. В подобных случаях выжившие униженно рассыпались в благодарностях и спешили забраться на борт тюремного корабля. Очень редко выжившие, привыкнув к астероиду, как к собственному дому, пытались сопротивляться — прятаться от спасательной команды и даже драться. Но в подобной маловероятной ситуации им не разрешали остаться, поскольку

астероиды представляли большую ценность для гонгси в незанятом виде. Высадить уборщиков, вставить окна, передвинуть каменюку на более привлекательную орбиту и продать. Выгодное вложение средств. А заключённые? Освободить, отправить обратно в какую-нибудь дыру, коих много в Системе Улановых.

На волю.

Но сначала надо было выжить. Превратить заполненный воздухом закуток размером с комнату, расположенный под поверхностью заледеневшего астероида, в пространство, где семь человек смогли бы продержаться десять с небольшим лет. Это им предстояло сделать самостоятельно, без внешней помощи или руководства, используя то скудное снаряжение, которое гонгси, озабоченная лишь собственной выгодой, соизволила предоставить. Это была простая и, без сомнения, *элегантная* (как же любят это словечко в корпорациях) бизнес-модель. Их гонгси была одной из четырёх, занимавшихся подобной деятельностью; её название — именовалась она, так уж вышло, «Даюрен» — не представляло особой важности. Она выиграла конкурс на распоряжение осужденными преступниками, предложив наименьшие затраты из расчета на одного правонарушителя. Такой подход позволял извлекать наибольшую прибыль из ситуации.

Так устроен мир. Так было всегда.

Конечно, семёрка заключённых ни о чём подобном не думала. Для каждого из них границы мира теперь жестко определялись кровотоком в яремных венах. Отчаянное стремление выжить поглотило всё. Оглушительный грохот, резкая пороховая вонь, горсть песка, брошенная в лицо. Жак закашлялся и не смог оста-

новиться. Но царивший вокруг бедлам не помешал ему спросить себя: велико ли это пространство? Невелико. Долго ли здесь протянут семь человек, которым нужен пригодный для дыхания воздух? Недолго.

Чей-то запыхавшийся голос во тьме:

— Свет... быстро... свет или мы все покойники!

Жак снова отскочил от стены, ударился головой и ринулся вперёд. Раскинув руки, он вцепился в выступ скалы и прижался к нему со всей силой, на какую был способен. Замерев, он поначалу мог только моргать — моргать и кашлять. Темнота была непроницаема; камень, к которому прильнуло его тело, казался убийственно холодным.

— Зажгите свет! — заорал кто-то неузнаваемым голосом.— Иначе...

И стал свет. Желто-белая полоса озарила всю узкую камеру дымчатым, тускловатым свечением. У Жака защипало глаза; впрочем, причиной тому могла быть и по-прежнему клубящаяся пыль.

Жак все моргал и моргал. Теперь он мог разглядеть своих товарищей по несчастью — кто-то уже держался на одном месте, кто-то всё ещё продолжал крутиться. Светошест нашел и включил Давиде — он, как сразу заметил Жак, проявил изобретательность, втиснув эту штуковину в угол между двумя стенами и крепко за неё ухватившись, чтобы закрепиться. Пространство, в котором они находились, и в самом деле было небольшим. По клину рябой чёрно-серой скальной породы сверху и снизу, постепенно сужающемуся и оканчивающемуся тупиком. В той части пещеры, что раньше была открыта, виднелся новый красно-коричневый потолок из пермогерметика, чуть заметно подрагива-

ющий из-за движения воздуха. В голову Жаку пришла в точности та же мысль, что и всем остальным: «Нам предстоит выживать здесь на протяжении одиннадцати лет. У нас есть световещ и кучка снаряжения, которую в любом „Марте“ можно купить за пару сотен кредитов, и со всем этим мы, семеро мужчин, должны как-то протянуть четыре тысячи дней». Это казалось попросту невозможным. Конечно, Жак знал — они все знали,— что у многих заключённых всё получалось, ведь бизнес-модель гонгси всецело зависела от этого, на самом-то деле. Но бизнес-модель гонгси учитывала и процент смертности среди узников, поскольку почти в каждом случае оставленное им снаряжение можно было забрать, и даже в случае гибели заключённых плата за каждого из них, полученная от улановских полицейских чиновников, с лихвой покрывала затраты на перевозку и всякие мелочи. Конечно, если они выживали и делали из астероида годную для продажи собственность, гонгси получала куда бóльшую выгоду. Но у неё не было стимула помогать. Жака интересовал только один вопрос: если они и впрямь выживут, то сохранят ли рассудок? С другой стороны, этот вопрос казался не очень важным по сравнению с неизбежной смертью.

Впервые в жизни потеряв доступ к своему бИту, Жак не мог получить точные цифры — сколько заключённых погибло, не дожив до конца тюремного срока? А сколько было случаев, когда умирали все семеро? И сколько подобных смертей случилось в первые же часы после того, как их сбрасывали с корабля?

Они все думали об этом. Одиннадцать лет в среде, по враждебности превосходящей все мыслимые пределы,

в полной зависимости от собственных ресурсов, без малейшей надежды на помощь. Тюрьма из камня, отгороженная от остального человечества миллионами миль вакуума по всем направлениям. Одиннадцать лет! Их единственным спасением было выдержать весь одиннадцатилетний срок, молясь, чтобы гонгси к его исходу не забыла о своих узниках, была всё ещё в деле и имела достаточный стимул, чтобы прибыть за выдолбленным каменным шаром.

Жак в большей степени боялся не срока, а его завершения. Об этом, конечно, он никому не говорил.

— Ну-ка! Живо! — Давиде кричал, но его рот забился пылью, и слова звучали невнятно. — Найдите скруббер!

Теперь, когда светощест горел, тем, кого воздушные потоки всё ещё носили туда-сюда, удалось сориентироваться и погасить скорость, цепляясь за стены или направившись в узкий конец пещеры. Через несколько минут продолжали двигаться лишь части снаряжения, сброшенного «Маринатором». Хотя они кружились в облаках пыли и сталкивались со стенами, было нетрудно понять, что есть что: самый большой и увесистый предмет, прыгавший от стены к стене, был синтез-ячейкой; тюк с бурами оказался чуть поменьше размером — в нём было три агрегата, упакованных вместе, — и из-за своей неправильной формы, а также величины застрял в узкости. Но оставшиеся предметы — стволovidный скруббер, пакет со спорами и запечатанная коробка галет (марки «Лембас»¹), такая

---

¹ *Лембас* — эльфийские питательные хлебцы, описываемые в произведениях Дж. Р. Р. Толкиена «Властелин колец» и «Сильмариллион».

маленькая, что и девочка спрятала бы её под платицем,— продолжали носиться туда-сюда в клаустрофобически тесном пространстве.

Жак вытер лицо рукой, но из-за пыли на ладони чище оно не стало. Слева от него шарообразный Гордий застрял между стенами и принялся размахивать руками, от чего его жирная плоть колыхалась. Было адски холодно.

Справа от себя Жак видел оставшихся пятерых. Марит вскинул руку, когда скруббер пролетал мимо, поймал его и тут же упустил. Но не успел он попытаться ещё раз, как Луон оттолкнулся обеими ногами, перелетел через всю пещеру, раскинув руки, и поймал прибор.

— Эй! — прохрипел Марит.— Я же его почти сцапал!

В самом деле, прыжок Луона повлёл за собой неприятные последствия. Он почти сразу врезался в другую стену и не разбил себе череп лишь благодаря тому, что сумел изогнуть шею под невыносимым углом. Он неуклюже закувыркался. Скруббер понесло в другую сторону, и Луон отчаянно забился, пытаясь уцепиться за что-нибудь. Наконец ему удалось сунуть ногу в какую-то выемку в скале и остановиться. Но он добился своего — получил скруббер.

— Слушайте меня! — крикнул он.— Слушайте меня внимательно! Следующие несколько часов *самые* опасные. Один неверный шаг, и *мы все умрём*. Мы не можем себе позволить ссориться.

— Включи этот чёртов скруббер,— сказал оскорблённый Марит.— Хватит проповедей!

— Это не проповедь,— прогудел Э-дю-Ка.— Он хочет быть главным!

Кто-то издал неодобрительный возглас — то ли фыркнул, то ли кашлянул. Луон прокричал сквозь пыльную взвесь:

— Я не говорил, что хочу быть главным.— На самом-то деле он именно это и имел в виду.— Я никому не приказываю. Однако, если мы начнём ссориться, проще сразу сломать скруббер, вот прямо сейчас — задохнёмся за несколько часов, зато избавим себя от нескольких лет агонии.

— Я тебе башку оторву,— прорычал Давиде, но без особой враждебности. У него ведь был светочест.

— Включи скруббер! — сказал Мо.— Включи его, и всё тут.

— Погодите,— сказал Луон, предостерегающе выставив руку.— Мы даже не знаем, что это за модель.

— Какая разница? — сказал Марит, хлопая себя по ногам, чтобы согреться.— Скруббер, он и есть скруббер...

— У нас нет права на ошибку,— сказал Луон, разглядывая громоздкое устройство.— Малейшая оплошность нас прикончит.

Но инструкций на корпусе машины не оказалось, и дольше затягивать этот театр было нельзя.

Поэтому он включил скруббер. Тот не издал ни звука, но пыль возле одного из круглых отверстий начала вращаться, медленно втягиваясь внутрь.

— Почему бы всем не взять по одному предмету? — спросил Гордий.— Тогда каждый будет в доле... правда ведь?

Все взгляды обратились к дальнему концу пещеры. Свет был ярким, от него на скошенные стены ложились странно вытянутые тени, чёрные и резкие.

— Ты чего там бормочешь, жирдяй? — спросил Марит.

— Я всего лишь имел в виду,— сказал Гордий с явственной трусливой дрожью в голосе,— что... ну вот поглядите, нас же семеро. Синтез-ячейка, скруббер, светшест, эти, как их... споры... и эти, ну эти... галеты... получается пять предметов. Если их разделить на равные доли между...

— А, так ты галет захотел, да? — взревел Э-дю-Ка и тут же яростно закашлялся.— Их нам должно хватить, пока не прорастут споры и не появится жратва. Если ты сейчас всё сожрёшь, что мы станем делать?

— Можем съесть его,— сказал Мо, оскалив все тридцать два зуба.— Хватит надолго. А половине человека,— Мо взмахом руки указал на Жака,— еды нужно меньше, чем целому человеку, верно?

— Эй, поймите меня правильно. *Мне* галеты не нужны,— заупрямился Гордий. Хотя было до безобразия холодно, он вспотел.— Я этого не говорил! Я... ну да, как бы, мне бы хотелось одну галету, ага. Еду надо разделить на равные части, типа того. Так и есть. Но, послушайте, я вообще-то не возражаю, и, наверное, мистер Безногий тоже возражать не будет, если вы разделите все пять предметов между собой. А потом вы могли бы... могли бы...

Луон прервал его суровым, но как будто бы доброжелательным голосом:

— Лучше бы тебе, Мягкотелый, держать своё мнение при себе. У нас слишком много работы, чтобы взять и помереть прямо здесь и сейчас.— Он по очереди окинул взглядом четверых: Давиде, Мо, Марита и Э-дю-Ка.— Я тебя знаю, Эннеми-дю-Конкорд, и ты

знаешь меня. Я знаю, ты не слабак, и у тебя есть сила воли. Наверное, ты то же самое думаешь про меня. Я не собираюсь тобой командовать — ни тобой, ни кем-то из вас. — Скруббер, который он держал в руках, творил дорическую колонну из пыли, что парила у него за плечом. — Я вам вот что скажу, — проговорил он.

— Что? — прогудел Марит, не скрывая сарказма.

— Я скажу, что, когда мы тут со всем разберёмся, когда у нас будет воздух, вода и еда, когда всё это будет, нам надо бы выкопать семь отдельных комнат, и каждому взять по одной. Тогда мы не будем сидеть друг у друга на голове. И сможем просто ждать, пока хватит сил. Но до тех пор...

Давиде, по всей видимости, отличался практичностью.

— Если разломать светошест на семь частей, — сказал он, — то, по-моему, света не хватит даже для того, чтобы вырастить споры.

— Они будут расти, — сказал Марит. — Но медленно... медленно... и их будет мало. Ты прав, лучше сохранить шест целым. Или, может, сломать пополам.

— У нас ещё будет время, чтобы всё обсудить, — сказал Луон. — Но не сейчас! Сейчас у нас имеются куда более важные заботы!

Жак окинул взглядом помещение. Много времени на это не ушло.

— Мы могли бы сделать окно, — сказал он.

Остальные впервые услышали, как он разговаривает, потому что на протяжении всего полёта он хранил умиротворённое молчание. Все повернулись на звук его голоса.

— Ты... ты *что* сейчас предложил, Бегунок?

— Мы могли бы сделать окно,— повторил Жак.— Чтобы видеть солнечный свет. Я знаю, от нас до солнца очень далеко, но всё-таки в какой-то степени...

Мо рассмеялся — это был отрывистый, лающий, агрессивный звук, который почти тотчас же превратился в кашель. Луон сказал пренебрежительно:

— Ну да, Половинка. Вот *ты* этим и займёшься. Наколдуешь нам окно и вставишь его в скалу.

Жак почему-то упорствовал:

— В этой породе должны быть силикаты. Не так уж сложно перебросить провод от синтез-ячейки, растопить...

— Вот кстати! — прогудел Э-дю-Ка.— Я замёрз, как в могиле.

Он неуклюже, с трудом пополз по стене к тому месту, где застряла синтез-ячейка. Луон пристально следил за ним, но не пытался остановить. У него, в конце концов, по-прежнему был скруббер.

Большие руки Э-дю-Ка схватили синтез-ячейку, перевернули массивный предмет с лёгкостью, возможной только в невесомости, и набрали комбинацию для обогрева. Как только он это сделал, остальные начали потихоньку подбираться ближе. Воздух был жутко, жутко холодным, и, хотя от синтез-ячейки исходило только слабое тепло, это было лучше, чем ничего.

Луон не последовал за всеми.

— Не расслабляйтесь там! — крикнул он.— Надо найти воду, а потом будем нежиться, как коты на пластинах теплосброса. Надо найти лёд, если мы не хотим помереть через день-другой.

Четыре альфа-самца проигнорировали его. Гордый, всхлипывая, пытался высвободить своё массивное

тело из ловушки между стенами. Жак, перебирая руками, приблизился к толстяку.

— Ну ты и застрял,— заметил он, уцепившись обрубками бёдер за каменный выступ и протягивая руку.

— Я носился туда-сюда в темноте,— сказал Гордий, ворочаясь,— а потом — бабах. Меня сюда забросило, как... как... уфф!

Он высвободился и поплыл прочь.

Они собрали своё скудное имущество и засунули в щель в скале, чтобы ничего не плавало в воздухе. Давиде пристроил светостест под углом, от стены к стене, примерно посередине помещения. Потом они принялись распаковывать три бура, предоставленных им в распоряжение. Скруббер очищал воздух, но без воды им долго не протянуть. Это означало, что придётся сверлить камень до тех пор, пока кто-нибудь не обнаружит ледяную жилу.

— А если мы ничего не найдём? — спросил Гордий. Он знал ответ на вопрос, как и все они, но не удержался и спросил вслух.

— Мы умрём,— сказал Жак.

— Что, если мы найдём немного, и этого не хватит на одиннадцать лет? — не унимался Гордий.— Что, если в этом астероиде и нет того количества льда, которое нужно семерым мужчинам, чтобы прожить одиннадцать лет? Что тогда?

Отвечать ему не было никакого смысла.

Э-дю-Ка высвободил первый бур и погрузился в изучение его устройства.

— Кто-нибудь из вас работал в шахте? — спросил он.